

Убедив Старую госпожу отпустить её, Линь Дайюй победоносно взглянула на Линь Лана. Тот с улыбкой подмигнул ей: «Отличная работа!»

Служанка Жуи заранее догадалась, что молодой господин приедет за сестрой именно сегодня. Вещи были собраны ещё на рассвете, и теперь, стоило отдать приказ, слуги без промедления принялись выносить сундуки.

Линь Дайюй пожелала проститься с сёстрами и попросила брата подождать её в покоях Матриарха.

Старая госпожа Цзя-Ши глупости не выказывала: она вела с Линь Ланом неспешную, ни к чему не обязывающую беседу, избегая скользких тем. Однако госпожа Ван, лишённая чуткости, не удержалась. Зная, что Линь Лан снискал благосклонность императора, она спала и видела, как бы продвинуть Цзя Юаньчунь при дворе, дабы укрепить собственное положение. В идеале ей хотелось пристроить дочь в жёны какому-нибудь принцу.

Линь Лан мог лишь мысленно усмехнуться — какая нелепая, вздорная слепота! Матриарх молчала, позволяя невестке молоть языком. Прежде Линь Дайюй говаривала, будто её вторая тётушка косноязычна и проста, но теперь Линь Лан ясно видел: никакое это не косноязычие, а наглое притворство. Госпожа Ван без умолку твердила о «семейном долге» и «взаимной поддержке», а под конец и вовсе намекнула, что согласна на брак Цзя Баюя и Линь Дайюй.

«Спокойно», — уговаривал себя Линь Лан, но внутри всё клокотало от возмущения.

Откуда в этой женщине столько наглости? Неужели всё из-за того, что её ненаглядный сынок родился с дурацкой стекляшкой во рту? Если бы ему действительно было уготовано великое будущее, он пошёл бы завоёвывать славу в мире, а не просиживал дни на женской половине дома среди служанок! И этот бездельник смеет зариться на его сестру? Наглец!

Линь Лан отхлебнул чаю, пропустив излияния госпожи Ван мимо ушей, и повернулся к Матриарху.

— Сестрица что-то задерживается, — произнёс он. — Пойду взгляну, всё ли в порядке.

Поклонившись, он направился к выходу, совершенно не заботясь о том, как на это отреагируют хозяйки дома.

Старая госпожа, умудрённая годами, сдержала гнев, но она мгновенно помрачнела. Госпожа Ван, только что расточавшая елейные улыбки, позеленела от злости. Она судорожно смяла шёлковый платок в кулаке и процедила:

— Какой невоспитанный юнец! Ушёл, даже не дождавшись вашего дозволения, матушка!

Матриарх одарила её ледяным взглядом.

— Он ещё молод, оттого и горяч, — холодно заметила она. — А вот тебе следовало бы следить за своим языком. И чтобы я больше ни слова не слышала о том, что ты сейчас плела!

Госпожа Ван опешила — она не ожидала, что свекровь отчитает её при слугах. Обида на Линь Лана, лишившего её лица, смешалась со злобой. На душе у неё скребли кошки, но последовать примеру наглого гостя она не смела. Пришлось стоять и безмолвно сносить недовольство Матриарха.

Глядя на унылое лицо невестки, старая госпожа лишь поморщилась от раздражения и велела ей убираться прочь.

Что касается Линь Дайюй...

Хоть Цзя Баоюй и утешал себя мыслью, что со временем сможет вернуть сестрицу Линь, тоска уже сжимала его сердце. Заметив, что Линь Дайюй направилась прощаться с сёстрами, он послушной тенью поплёлся следом.

Линь Дайюй обернулась и посмотрела на преследователя.

— Цзя Баоюй, зачем ты идёшь за мной?

Тот взглянул на неё потерянным взглядом.

— Сестрица, неужели тебе обязательно возвращаться в Поместье Линь? — пробормотал он. — Разве плохо нам всем вместе? Зачем уезжать?

Три года они провели под одной крышей, деля радости и печали, и в сердце Линь Дайюй всё ещё теплилась былая привязанность. Но эти эгоистичные слова развеяли её чувства без следа.

Она резко развернулась к нему лицом:

— Это мой родной дом! Если я не вернусь туда, то где мне жить? Неужели Цзя Баоюю хочется, чтобы я до конца дней оставалась приживалкой в чужом поместье? Общаться с сёстрами — радость, но неужели ты думаешь, что мы никогда не расстанемся?

Вопросы Линь Дайюй заставили Цзя Баоюя растеряться. Он замер, растерянно моргая, и лишь бессвязно твердил:

— Но я не хочу... Не уезжайте. Пожалуйста, не уезжайте.

Теперь в душе Дайюй вспыхнул настоящий гнев. Что за вольности он себе позволяет? Если кто-то услышит его речи, её девичья честь будет растоптана! Поползут грязные слухи о тайной связи, от которых вовек не отмыться.

— С какой стати Цзя Баоюй говорит мне это? — холодно бросила она. — Ни один приличный человек не станет вести себя так глупо. Прощай, Цзя Баоюй!

Развернувшись, она стремительно пошла прочь. Следовавшие поодаль служанки мгновенно выросли перед юношей живой стеной, преграждая ему путь.

Видя, с какой решимостью удалялась Линь Дайюй, Цзя Баоюй почувствовал, как земля уходила из-под ног. В глазах потемнело. Он покачнулся, готовый рухнуть на камни.

Подбежавшая Сижэнь подхватила его под локоть, испуганно воскликнув:

— Цзя Баоюй! Цзя Баоюй, очнись! Что с тобой?

Линь Дайюй услышала за спиной суматоху. Сначала ей хотелось просто уйти, но здравый смысл возобладал: если с любимым внуком Матриарха случится припадок прямо во время её отъезда, во всём обвинят семейство Линь. Пришлось неохотно повернуть назад.

Завидя приближающуюся Линь Дайюй, Цзя Баоюй слабо прошептал:

— Сестрица Линь... Не уходи... Пожалуйста, не уходи...

Сердце Сижэнь болезненно сжалось от жалости, но она подняла голову и взмолилась:

— Барышня Линь, умоляю, взгляните на нашего молодого господина!

Она понимала, что Цзя Баоюй снова впал в безумие от тоски по Линь Дайюй. Больше всего Сижэнь боялась, что шум дойдёт до ушей Матриарха. Если старая госпожа узнает истинную причину припадка, беды не миновать.

Линь Дайюй растерянно замерла. Рядом не было ни одной опытной кормилицы, а молодые служанки лишь испуганно переглядывались. В этот момент на дорожке показался Линь Лан, быстро шагавший в их сторону.

Завидев брата, Линь Дайюй с облегчением выдохнула:

— Брат!

Линь Лан нахмурился, глядя на Цзя Баоюя, который сидел прямо на полу галереи, поддерживаемый перепуганной служанкой.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Линь Дайюй подошла ближе и тихо шепнула:

— Кажется, мои слова задели его, и он лишился чувств. Как нам теперь быть?

Линь Лан, и без того едва сдерживавший ярость после разговора с госпожой Ван, не стал раздумывать ни секунды. Он крепко взял сестру за руку и отчеканил:

— Девушка Сижэнь, тебе лучше поскорее доложить обо всём старой госпоже. Моя сестрица не на шутку напугана поведением молодого господина Бао. Мы уезжаем.

Линь Дайюй, не ожидавшая подобной резкости, покорно последовала за ним, но всё же спросила:

— Брат, но как же...

— Не думай об этом, — отмахнулся Линь Лан. — Ты ведь хотела попрощаться с сёстрами? Идём.

Она так и не поняла, отчего брат в таком гневе, но видя, что его недовольство направлено исключительно на Цзя Баоюя, быстро успокоилась. Она лукаво улыбнулась:

— Брат, а мне не нужно притвориться больной для приличия?

— К чему эти глупости? — усмехнулся Линь Лан. — Твой брат рядом, а значит, никто не посмеет сказать тебе ни слова вопреки.

Линь Дайюй лишь тихо улыбнулась и со спокойным сердцем пошла вслед за ним.

Завидев их, Цзя Сичунь радостно подбежала навстречу:

— Брат Линь, сестрица Линь! Вы пришли!

— Давненько мы не виделись, сестрица Цзя Сичунь, — с улыбкой отозвался Линь Лан.

Цзя Таньчунь тоже подошла ближе и спросила:

— Сестрица Линь, а где же Цзя Баоюй? Он ведь только что ушёл вместе с тобой?

Линь Лан незаметно коснулся плеча сестры, не давая ей заговорить, и ответил сам:

— Я видел его на галерее. Он едва не заснул на ходу, видно, устал. Наверное, уже вернулся в свои покои.

Цзя Таньчунь понимающе кивнула.

Линь Дайюй с мягкой улыбкой произнесла:

— Сегодня я возвращаюсь в родной дом, вот и пришла проститься с вами.

Ши Сяньюнь, стоявшая за спиной Цзя Таньчунь, с любопытством оглядела гостя и спросила:

— Так это и есть двоюродный брат Линь?

Она невольно отметила про себя, как он хорош собой. В его облике сквозила благородная стать, которой так не хватало Цзя Баоюю. Стоило Линь Лану дружелюбно улыбнуться, как щёки девушки тронул лёгкий румянец.

Цзя Таньчунь тут же поддразнила её:

— Ой, сестрица Ши, что с тобой? С чего бы это твоё личико так покраснелось?

Смущённая Ши Сяньюнь замахнулась на подругу, грозя ущипнуть её. Цзя Таньчунь со смехом спряталась за спины Линь Лана и его сестры. Ши Сяньюнь не посмела приближаться к молодому человеку и лишь недовольно фыркнула.

— Полно вам, — рассмеялась Линь Дайюй. — Нам с братом пора в путь. Но мы непременно ещё увидимся и поиграем!

Девушки грустили, но понимали, что задерживать её не вправе. После долгих тёплых прощаний они наконец расстались.

Когда они устроились в экипаже, Линь Дайюй повернулась к брату, собираясь спросить, почему он так разгневался на Цзя Баоюя и даже не пожелал лично откланяться Старой госпоже. Но Линь Лан к тому моменту уже мерно посапывал, утомлённый дневными заботами.

Покачав головой, она накрыла его своим тёплым плащом.

Тем временем в Поместье Жунго Сижэнь, убедившись, что Линь Лан ушёл насовсем, принялась звать на помощь. Сбежавшимся слугам она не решилась открыть правду, не желая, чтобы имя барышни Линь вновь связывали с Цзя Баоюем. Сижэнь лишь уверяла всех, что молодой господин лишился чувств внезапно, без всякой видимой причины.

Матриарх, догадываясь, что Линь Лан увёз сестру из-за глупых речей Госпожи Ван о браке, решилашний раз не тревожить семейство Линь расспросами. Она лишь распорядилась пригласить лекаря и замять это дело.

Суэта в Поместье Цзя мало заботила Линь Лана. Дома его ждала куда более серьёзная гроза в лице собственного отца, который жаждал призвать непутёвого сына к ответу.

Экипаж остановился у ворот. Линь Лан выбрался наружу, всё ещё сонный. Линь Дайюй, заметив его вялость, спросила:

— Брат, где это ты успел так утомиться?

— Да так, любовался сливами в хорошей компании, — потягиваясь, зевнул он.

Линь Дайюй лукаво взглянула. Едва они перешагнули порог Поместья Линь, она без предупреждения ухватила брата за ухо. Линь Лан ойкнул и запричитал, уклоняясь:

— Ай-ай, сестрица, за что? Больно же!

— Ах, вот оно что! — рассмеялась Линь Дайюй. — Оказывается, мой любящий брат променял меня на цветы и потому не спешил забирать из гостей!

— Милая сестрица, пощади! Ошибку признаю, виноват! — заискивающе взмолился Линь Лан.

Девушка отпустила его ухо и строго произнесла:

— Раз вину признаёшь, готовься к наказанию. В ближайший день отдыха ты отвезёшь меня в тот самый Сливовый сад. И непременно позовёшь с собой сестёр из дома Цзя!

Линь Лан души не чаял в сестре, разве мог он отказать ей? Пусть даже тот сливовый сад принадлежал не ему — каприз любимой Дайюй ценился им куда выше чужого имущества.

Потирая горящее ухо, он послушно кивнул:

— Договорились. Как только освобожусь от службы, сразу поедем.

— Знала, что ты меня любишь! — расплылась в улыбке Линь Дайюй.

Весело переговариваясь, брат и сестра направились к покоям Линь Жухая, чтобы выразить почтение и вместе поужинать.

Войдя во двор, Линь Лан заметил несколько массивных сундуков, укрытых красным сукном. Сомнений не было — пожаловали императорские дары. Любопытство взяло верх: он подскочил к ближайшему сундуку и откинул тяжёлую крышку. В глаза ударил слепящий золотой блеск...

Раздался резкий стук. Крышка с грохотом захлопнулась.

Линь Жухай давно поджидал сына, прекрасно зная его повадки. Тот ни за что не прошёл бы мимо сокровищ, не заглянув внутрь прежде, чем засвидетельствовать почтение отцу. Ожидания полностью оправдались.

От неожиданности Линь Лан отпрянул. Обернувшись, он похолодел: в дверях комнаты, грозно сжимая в руке бамбуковую линейку для наказаний, стоял Линь Жухай. Дело принимало скверный оборот.

Линь Дайюй бросилась разряжать обстановку, пытаясь заступиться за брата, но решимость Линь Жухая проучить сорванца была непреклонной. Не слушая уговоров дочери, он просто выставил её за дверь, велел идти в столовую.

Уходя, Линь Дайюй успела бросить на него сочувственный взгляд: «Братец, уповай на милость Небес!»

Линь Лан тоскливо проводил сестру взглядом и на цыпочках подошёл к родителю.

— Отец?.. — робко позвал он.

Линь Жухай издал холодный смешок:

— Слышал я, ты на каждом углу треплешься, будто твой отец — старый скряга?

Линь Лан понимал, что это был далеко не вопрос, а суровый приговор.

— Отец, умоляю! Сболтнул не подумав, язык мой — враг мой, — заюлил он.

Линь Жухай скептически взглянул и с вкрадчивой улыбкой произнёс:

— Не бойся, сынок. Бить я тебя не стану.

«Да как же, не станешь, когда сам держишь розгу наготове!» — подумал Линь Лан, изо всех сил сохраняя на лице благонравное выражение.

Однако Линь Жухай действительно убрал бамбуковую линейку и спокойно проговорил:

— Прикажу слугам перенести сундуки в твои покои. Идём, ужин стынет.

Столь внезапная милость не на шутку встревожила Линь Лана. Он нутром чуял: грядет нечто ужасное. Если отец даже для вида не стал его наказывать, значит, грядущая кара окажется куда изощреннее банальной трёпки.

Линь Жухай неспешно шагал впереди. Заметив, что сын послушно семенил следом, он негромко заговорил:

— Не держи на меня обиды. Твои глупые речи о родителе граничат с сыновней непочтительностью. Если об этом прознают посторонние, на твоей будущей карьере можно будет поставить крест. Репутация — вещь хрупкая, береги её.

Линь Лан мысленно повинился. В последнее время, чувствуя за спиной надёжное отцовское плечо, он совсем расслабился и начал действовать слишком опрометчиво, потакая собственным прихотям. Линь Жухай порой ловил себя на мысли, что ему стоило проявить строгость гораздо раньше, но родительская любовь мешала быть суровым. Этот случай должен послужить уроком. Если Линь Лан не научится сдерживать порывы, ему лучше отказаться от службы и прожить тихую жизнь богатого обывателя.

Понимая, что за каждым словом отца кроется лишь забота о его будущем, Линь Лан смиренно склонил голову, готовый принять любое наказание.

Линь Дайюй, хоть и ушла первой, не находила себе места от беспокойства. Отец, конечно, не стал бы калечить брата, но если бы по столице поползли слухи, что Линь Лана высекли розгами сразу после получения монарших щедрот, это бросило бы тень на всю семью. Ожидая мужчин в столовой, она расспросила слуг и поняла всю суть дела. Брат действительно совершил глупость, но пороть его сейчас было бы верхом неосмотрительности.

К счастью, едва войдя в залу, Линь Лан заговорщически подмигнул ей, и тревога Линь Дайюй мгновенно улетучилась.